

УДК 811.161.1'42

## ПРИМЕТЫ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ: ВОСПРОИЗВОДИМОЕ И ПРОИЗВОДИМОЕ

*Симашко Т. В.*

*Гуманитарный институт Северного (Арктического) федерального университета  
имени М. В. Ломоносова, г. Северодвинск*

В статье рассматривается употребление примет в публицистическом и повседневно-бытовом дискурсах, выявляются функции текстов примет, трансформация их структурно-семантической организации, обозначаются некоторые условия образования новых примет по образцу традиционных.

**Ключевые слова:** приметы, функционирование, дискурс, продуцирование примет.

**Постановка проблемы.** Приметы, обладая значительным и разнообразным объемом информации и широкой употребительностью в современной речи, становятся предметом изучения исследователей разных направлений и специальностей. Они описываются как «знак, интерпретация которого моделирует поведение человека» [9], как трансляторы определенных норм, регламентирующих общение людей тех или иных профессий [12], как отражение специфических и общих черт, присутствующих некоторым социальным слоям, субкультурам [1; 11; 10 и др.].

Наряду с выяснением роли и функций примет в современном обществе большое внимание уделяется исследованию их структурно-семантической организации, вариантам употребления, образной составляющей, выявлению традиционных компонентов в составе примет, связанных с новыми сферами жизни, обоснованию когнитивно-прагматической специфики примет по сравнению с иными паремическими жанрами и т. д. [3–6; 8 и др.]. Вместе с тем вопрос о функционировании примет, как и иных малых фольклорных жанров, или микрожанров, как их еще называют [8, с. 6], в разных типах дискурсов остается пока одним из малоизученных. Это касается как прагматического аспекта, так и степени полноты воспроизведения их структуры и семантики.

Если говорить о степени полноты воспроизведения примет в речи, то следует учесть, с одной стороны, что должны быть образцы, на которые можно ориентироваться, чтобы утверждать их соответствие, а с другой стороны, что те или иные тексты при незначительной степени их соответствия образцам осмысливаются носителями языка как приметы. Эти условия могут быть учтены. Во-первых, русская фольклористика располагает множеством разновременных источников, в которых фиксируются приметы, записанные на разных территориях. Это позволяет при всей вариативности примет устанавливать тексты, воспроизводимые в современной речи с достаточной полнотой. Во-вторых, к работе следует привлечь те тексты, которые субъектами речи квалифицируются, а значит, осмысливаются и декларируются как приметы.

Учитывая эти два обстоятельства, можно обратиться к записям живой речи, полученным в результате полевой работы и поиска на открытых Интернет-сайтах, а также к газетным материалам, представленным на портале Национального корпуса русского языка [2]. Обозначенный массив Национального корпуса русского языка (НКРЯ) можно признать в достаточной мере однородным в названном ряду языковых фактов, так как известно, что именно в газетных текстах наиболее активно отражается современная речь. Следовательно, при отборе исследовательского материала исключаются лишь те случаи, где слово *примета* означает «отличительный признак, по которому можно узнать кого-, что-л.» [7, т. 3, с. 423], например: *Под музыку Александры Пахмутовой на подиум выходили модели в платьях из струящихся шелков, органзы и жаккарда. Многослойность и легкость – основная примета коллекции* [2, «Комсомольская правда», 2006.01.18]. Тогда как любые тексты, названные субъектом речи приметам, даже имеющими яркие признаки современной жизни, которые со всей очевидностью свидетельствуют об их отсутствии в традиционном корпусе, привлекаются к анализу. Например: *У финансистов, особенно трейдеров на бирже, есть примета – в рабочей одежде не должно быть красного цвета. Таким цветом при обвале котировок светятся стрелки динамики торгов. По этой же причине этот красный запрещен в корпоративной одежде и символике многих банков* [2, «Комсомольская правда», 2007.10.29]. Обращение к такому материалу как раз и позволяет включить в исследовательский корпус современные приметы, судить об особенностях их порождения, а также поставить вопрос о степени их близости приметам, зафиксированным в словарях или известных из разных источников по традиционной культуре.

Давно сложившиеся народные приметы, не претерпевая трансформации, преимущественно используются в газетных статьях фенологов, заметках метеорологов или включаются в актуальную для определенного дня информацию о погоде, поэтому чаще всего выглядят как выписки из словарей или справочников с сохранением формы, содержания, устаревшей лексики: *20 декабря. День Амвросия. Раньше замечали: если кошка скребет стену или бревно – перед ветром. У охотников и лесников была своя примета: перед оттепелью белка выходит из гнезда. 21 декабря. В эти дни считалось: если вороны прилетели к окнам с утра – к ранним заботам. Если замечали, что зайцы залегают вблизи строения – это сулило приход длительных холодов* [2, «Труд–7», 2006.12.14].

Так называемые житейские приметы, напротив, при их включении в публицистический или повседневно-бытовой дискурс в той или иной мере трансформируются. Вследствие этого текст приметы, сохраняя определенный осто, подвергается изменениям, вызванным различными конкретными обстоятельствами, которые в каждом случае являются толчком к включению механизма порождения. Так как в том или ином дискурсе тексты примет предстают как один из его компонентов и подчиняются когнитивно-прагматическим установкам говорящего, то они могут подвергаться двойной обработке в процессе продуцирования речи. Во-первых, примета, становясь компонентом целого, выполняет в нем определенную функцию, несет дополнительный смысл, обусловленный ее местом в дискурсе. Во-вторых, структурно-семантическая организация текстов примет, подчиняясь общему замыс-

лу, может подвергнуться более или менее существенной деформации или при ее отсутствии сопровождаться компонентами, обеспечивающими «мягкое» вхождение текста приметы в дискурс.

Таким образом, текст приметы, будучи по определению воспроизводимым, при рассмотрении его в составе дискурса начинает вовлекаться в живой процесс производства и во многих случаях перестает соответствовать своей стабильной структуре, в том числе имеющимся словарным вариантам в пределах ее «изначальной семантико-прагматической константы» [5, с. 3].

Производимыми, а не воспроизводимыми компонентами в текстах примет, употребленных в дискурсе, иногда могут быть лишь отдельные слова, что можно расценивать как современный вариант традиционной приметы, например: *Удачная примета для молодых – **расписаться** на Красную горку. По нынешнему календарю – в ближайшие апрельские выходные. А это только подогрело ажиотаж в делах сердечных. Ведь у особенно суеверных есть и такая примета: **распишешься** в мае – век будешь маяться* [2, «Труд–7», 2006.04.26]. Незначительная замена, произведенная субъектом речи в примете, мотивирована общей ситуацией, повествующей о делах московского загса в апреле. Употребление разговорного слова *расписаться* ‘зарегистрировать брак’ можно считать вариантом слова *жениться*, характерного для традиционной приметы. Наряду с этим в других случаях, также повествующих о переживаемом Москвой свадебном буме, такая замена отсутствуют: *А в мае **жениться**, как известно, всю жизнь маяться. Свадьбы пришлось отложить до лета. Прошлый 2004 год был високосным. Выходить замуж в високосный год – тоже плохая примета. И многие москвичи свои семейные старты перенесли на год вперед* [2, «Комсомольская правда», 2005.08.14].

В приведенных дискурсах приметы утрачивают свое изначальное значение в том смысле, что они не служат предупреждением о нежелательности свадьбы в мае или в високосном году, не являются советом сыграть свадьбу на Красную горку. Эта информация не только известна людям, но и распространена в широких массах, поскольку именно это знание оказывается мотивировкой поведения людей и сложившейся ситуации в загсах, см. еще пример: *Причину январского оживления молодоженов мы связываем с тем, что прошлый год был високосным, – рассказывает начальник Управления загс Москвы Татьяна Ушакова. – Почему-то считается, что в это время лучше не жениться. Народная примета «подпортила» показатели роста числа браков* [2, «Труд–7», 2005.03.03].

Таким образом, по отношению к адресату дискурса основная функция приведенных примет состоит в понятной, убедительной аргументации, объясняющей исключительную загруженность загсов в безопасное или даже удачное для молодоженов время.

Впрочем, эти же приметы выполняют и иные функции. Например, они могут привлекаться в качестве носителей контрастной информации по отношению к реально складывающейся ситуации. Так, удачная смена тренеров в нескольких спортивных командах, произведенная в мае, подчеркивается известной приметой, а следующее предложение создается по ее образцу и квалифицируется как хорошая примета: *В мае нельзя жениться – потом всю жизнь маяться. А тренеров менять в*

мае хорошая примета [2, «Комсомольская правда», 2004.04.26]. В сходной роли используется в дискурсе и еще одна из рассмотренных выше примет: *Жениться на Красную горку – хорошая примета. Считается, что тогда молодожены проживут вместе долго и счастливо. Однако не помешает укреплению семейного фундамента и заключение брачного договора* [2, «Комсомольская правда», 2004.04.26]. Здесь контрастность содержания имеет более скрытую форму выражения, ни значение приметы, ни реально описываемое событие не противопоставляются по общей оценке: хорошо – плохо. Противопоставляется традиционное, иррациональное поведение, содержащееся в примете, новому, рациональному и необходимому подходу к жизни, с позиции определенного круга наших современников.

Значительный объем текстов примет актуализируется как реакция на чьи-либо действия, высказывания или на состояние природных явлений. В таких случаях текст приметы адаптируется к происходящим событиям, а иногда не произносится вообще. Например, во время дождя один из вышедших из учреждения людей огорченно говорит, глядя на лужи: *Вода пузырится*, второй отвечает: *Да уж... не переждать*. Диалог кажется бессвязным, если не признать наличия в языковом сознании обоих его участников приметы, которая не прозвучала – *Если вода в лужах пузырится, то дождь будет идти долго*. Следовательно, ответ второго участника ситуации является реакцией на смысл имплицитно представленного текста.

Однако далеко не всегда оба участника дискурса располагают одинаковым объемом знаний текстов примет. Поэтому знание лишь одним из участников общения приметы, легко проецируемой на текущую ситуацию, но не названую в дискурсе, становится скрытым регулятором его поведения, не всегда понятным адресату, например: – *Здравствуйте, Тамара Петровна!* – *поздоровался я еще с порога. Хозяйка театрально нахмурилась* [2, «Комсомольская правда», 2003.02.10]. Недоразумение разрешилось лишь тогда, когда примета была эксплицирована: *Оказалось, что это плохая примета. Сначала нужно пройти в дом, а уж потом здороваться* [Там же]. Аналогично в одном из записанных диалогов между пассажиром и водителем такси. Пассажир, не доезжая до дома, протягивает деньги таксисту в момент, когда они остановились на красный свет, на что тот говорит: *Не надо пока платить. – Почему? – удивился пассажир. – Плохая примета.*

В некоторых случаях, по-видимому, из этических соображений примета может и не называться, а ее значение оставаться скрытым для второго участника дискурса. Приведем пример, где смысл приметы, определивший поведение одного из участников дискурса раскрывается лишь при пересказе третьему лицу: – *Это, – перехватила мой взгляд Валентина Михайловна, – Ира принесла. На прошлый Новый год. Мне, отцу, брату, своему мужу и себе. Я аж вздрогнула: какая плохая примета! В шкаф положила и не вытаскивала ни разу. А когда ее хоронили, раздала. Говорю: «Это Ира вам приготовила – слезы утирать»* [2, «Комсомольская правда», 2001.10.19]. Обратим внимание на то, что, как и в ряде приведенных выше примеров, текст приметы (здесь – *Дарить носовые платки – к беде*) представлен не включенной структурой, а распределяется по всему пространству дискурса.

Анализ дискурсов, в которых субъекты речи какую-то их часть называет приметой, помогает наглядно представить некоторые условия ее возникновения. Так,

одним из таких условий является регулярность и повторяемость событий, которые с определенного момента начинают осмысливаться как закономерные соответствия. Приведем два примера, в которых подчеркнута не только повторяемость, хотя и незначительная, но и сила противников, участвующих в матче: *Кстати, хорошая примета: всякий раз (а их было четыре), когда «Бенфика» в рамках Кубка страны дома выбивала из борьбы «Спортинг», команда выигрывала турнир* [2, Советский спорт, 2005.01.28]. *Мы были сильны тем, что после жестоких поражений не опускали рук, быстро приходили в себя. Мы дважды обыграли ЦСКА. А мне говорили, что есть такая примета – тот, кто обыгрывает чемпиона два раза, становится чемпионом сам. Год назад мы в ранге чемпионов дважды уступили ЦСКА, и армейцы тогда выиграли «золото». Сейчас примета снова сработала* [2, «Комсомольская правда», 2004.11.26].

В дискурсах, содержащих тексты примет, как правило, так или иначе проявляются черты, характерные для народных примет. Думается, что известное представление о наличии сакральных, запретных мест лежит в основе приметы, связанной с одним из мест в детском лагере: *С утра над «Орленком» зарядил ливень, и все знали, почему. На земле возле одного из корпусов нарисовано солнце. Есть примета: если на него наступить, пойдет дождь. Дети его обходят. Но накануне в лагере было столько проверяющих, что по солнцу прошлись несколько раз. Поэтому полил дождь и даже грянула гроза* [2, «Комсомольская правда», 2003.09.17].

Продуцируемые приметы, конечно, значимы лишь в узком кругу людей и, возможно, недолговечны, но интересны как явления, отражающие не только динамику рассматриваемой жанрово-речевой формы, но и способ формирования устойчивых стереотипов в определенной среде.

**Выводы.** Таким образом, изучение функционирования примет в разных типах дискурсов показывает, что они не только воспроизводятся в речи, но и подвергаются трансформации, которая является результатом их вовлеченности в процесс продуцирования и зависит от когнитивно-прагматической установки субъекта речи. Перспективным представляется выявление условий и закономерностей создания новых (не воспроизводимых, а производимых) примет и определения степени их близости традиционным.

### Список литературы

1. Красиков М. М. К вопросу об изучении субкультуры спортсменов / М. М. Красиков // Первый Всероссийский конгресс фольклористов ; [сборник докладов]. – Т. 3. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. – С. 260–288.
2. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorgpora.ru/>
3. Кулькова М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы : автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «русский язык» / М. А. Кулькова. – Казань, 2011. – 50 с.
4. Садова Т. С. Народная примета как текст: лингвистический аспект : [монография] / Т. С. Садова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 212 с.
5. Семенов Н. Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка) / автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «русский язык» / Н. Н. Семенов. – Белгород, 2011. – 46 с.

6. Симашко Т. В. Изучении современных примет на фоне традиционных / Т. В. Симашко // Гуманитарный вектор. Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет. – 2011. – № 4 (28). – С. 159–165.
7. Словарь русского языка : в 4 т. – Т. 3. – М. : Русский язык, 1983. – 752 с.
8. Харченко В. К. Лингвистика народной приметы : [монография] / В. К. Харченко, Е. Е. Тонкова. – Белгород : Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008. – 224 с.
9. Христофорова О. Б. К вопросу о структуре приметы / О. Б. Христофорова. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/hristoforova2.htm>.
10. Шумов К. Э. Студенческие традиции / К. Э. Шумов // Современный городской фольклор. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 165–179.
11. Щепанская Т. Б. Антропология профессий / Т. Б. Щепанская // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI, № 1 (21). – С. 139–161.
12. Щепанская Т. Б. Фольклор профессиональных сообществ: приметы / Т. Б. Щепанская // Первый Всероссийский конгресс фольклористов ; [сборник докладов]. – Том 2. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. – С. 405–427.

**Сімашко Т. В.** Прикмети у сучасному дискурсі: відтворюване та те, що твориться / Т. В. Сімашко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 4, ч. 2. – С. 470–475.

У статті розглядається вживання прикмет у публіцистичному та повсякденно-побутовому дискурсах, виявляються функції текстів прикмет, трансформація їх структурно-семантичної організації, позначаються деякі умови виникнення нових прикмет за зразком традиційних.

**Ключові слова:** прикмети, функціонування, дискурс, продукування прикмет.

**Simashko T. V.** Omens in modern discourse: reproductive and creative / T. V. Simashko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 4, part 2. – P. 470–475.

The article is devoted to usage of omens in journalistic and everyday discourses. Functions of omen texts and their structural-semantic transformations are taken into account. Some conditions of new omen formation according to traditional models are described.

**Key words:** omens, functioning, discourse, producing of omens.

*Поступила в редакцію 21.10.2012*